

Геннадий Есин

Смерть, как оферта

18+

Геннадий Есин

Смерть, как оферта

<https://litres.ru/73495537>

SelfPub; 2026

Аннотация

В этом мире ничто не даётся даром. Банкир пытается выторговать у демона жизнь своей дочери. Миллионер начинает Троянскую войну, чтобы спасти сына. В старой хрущёвке спивающийся интеллигент оказывается тем, чье имя никто не осмелится произносить вслух.

Герои очередного сборника Геннадия Есина пытаются обмануть саму Смерть, что обязательно предъявит к оплате счёт, который каждый из нас подписал самим фактом своего рождения.

Содержание

Глава	4
Троя	5
Смотрящий	21
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Смерть, как оферта

Глава

Жизнь — это сделка, заключаемая при рождении и оплачиваемая в конце.

Троя

«Я царь — я раб — я червь — я Бог!»! — Гавриил
Державин (1743-1816), ода «Бог», 1784 г.

виртуальная трагедия

Действующие лица и авторские ремарки:

Гектор Илионбург, старший сын Приама, подполковник 7-й тактической истребительной эскадрильи 49-го тактического истребительного крыла ВВС США. Его F-117A «Nighthawk» (сер. номер 82-0806) под названием «Something Wicked» (нечто злое) был сбит ЗРК С-125 под командованием подполковника Вооружённых сил Союзной Республики Югославия Золтана Дани в районе деревни Будановцы 27 марта 1999 г.

В мифологической матрице — сын Гекабы и Приама или самого Аполлона. Храбрейший вождь троянского войска. Заплатил своей жизнью за легкомыслие брата.

Приам Илионбург, миллиардер на покое, 89 лет.

В мифологической матрице — шестой и последний царь Трои. Пережил всех своих сыновей. Во вражеском шатре на коленях умолял вернуть тело старшего. Выкупил на вес золота.

Парис Илионбург — младший сын Приама, его единственный наследник.

В мифологической матрице — получил от богов красоту, но не мужество. Нарушив законы гостеприимства, соблазнил Елену, жену царя Спарты. Сбежал вместе с новой любовницей и царской казной, что явилось поводом к Троянской войне.

Энона , *первая жена Париса, брошенная им и забытая.*

В мифологической матрице — нимфа, обладавшая даром прорицания. Отговаривала Париса от поездки в Спарту. Когда смертельно раненный Парис обратился к ней за спасением, она из мести ему отказала. Поняв, что наделала, бросилась в его погребальный костёр.

Елена, милое создание, любовница Париса.

В мифологической матрице — прекраснейшая из женщин и проклятие для обоих народов. Из-за её измены и побега началась величайшая из войн. Прожила в Трое двадцать лет. Именно она выпустила греков из деревянного коня, и первая предала огню приютивший её Илион.

Первое ненаписанное письмо

«Здравствуй, Гектор. Мой большой, мой храбрый мальчик.

Сегодня вспоминал наш первый собственный дом. Тебе тогда было пять. Ты увидел меня на дорожке парка и побежал навстречу так стремительно, что не заметил низко висящую ветку яблони.

Ты ударился и упал. Потом сидел в пыли, а по губе и под-

бородку стекала кровь. Ты вытер её ладонью и, впервые увидев свою кровь, расплакался.

Я вытер твоё лицо платком, а ты, перестав всхлипать, посмотрел на меня и сказал: «Папа, я больше никогда не буду плакать. Я вырасту и стану сильным и храбрым».

Ты вырос и сдержал слово. А яблоня всё ещё цветёт».

Действие 1

Разве время может вылечить память? Ни время, ни что иное! Говорят, есть одно древнее, но действенное средство — вода из Леты. Но в реальном мире её не найти.

Личная жизнь Приама не сложилась — всё отнял проклятый бизнес. Сотни тысяч превратились в миллионы, миллионы — в миллиарды. Он напоминал сам себе старый особняк, к которому пристраивали всё новые этажи из акций и облигаций. Как набальзамированный фараон, замурованный в череду саркофагов — алебастровом, деревянном, золотом. Бесконечно одинокий и смертельно уставший человек.

А что богатство принесло лично ему, Приаму? Радость, счастье? Пожалуй, удовлетворение, пока лазурное небо над Югославией не озарилось яркой вспышкой и его мир не разделился на «до» и «после».

Родители не должны хоронить своих детей, это дикая нелепость. Но жизнь — сука, каких ещё поискать, и плевать она хотела на мнение каких-то людишек.

Сигары и компьютерные игры были единственным, что после смерти Гектора удерживало Приама на этом свете.

Он удалился от дел, передав управление бизнесом младшему Парису, отношения с которым в последнее время заметно охладели. Приам не был пуританином и после смерти жены не избегал женщин, падких на деньги и дорогие подарки, но поведение младшего сына претило даже его весьма либеральным взглядам на воспитание.

«Ну, не хочешь ты жить с женой — не живи, — рассуждал он. — Но сначала разведись, а потом уже пускайся во все тяжкие». Ибо жить можешь как хочешь, а поступать следует как должно.

Этой нехитрой истине, вынесенной из нищего детства, когда кусок хлеба был в радость, а доброе слово — на вес золота, Приам следовал всю свою жизнь.

Парис не появлялся уже несколько месяцев, что нельзя было сказать о его пассивности: с ней у Приама сложились на удивление хорошие отношения.

Елена звонила, приходила поболтать, посплетничать, поклянчить денег. Она врывалась к нему как свежий морской бриз — весело, ярко, вмиг превращая в хаос его разложенные по полочкам мысли. Небрежно чмокала в щёку.

От неё пахло океанской свежестью, а не дорогими духами. И Приам, с детства не переносивший попрошайек, ходивших в его родном городке на церковную паперть как биржу труда, теперь с радостью исполнял любые её капризы. Может, в надежде на будущих внуков, а может, отдавая то, что задолжал сыновьям.

Но Елена умела не только брать, но и отдавать. Каждый раз она приносила новую игру. Самую последнюю, самую лучшую, ту, что захватывала воображение, без остатка пожирая время. Бесплезное. Тягучее. Бесформенное.

Елена посадила его на игры как наркомана на иглу. Та же страшная зависимость, где всё отличие — лишь в одной букве. Хотя Приаму было всё равно, чем заполнять бесконечную, как вселенная пустоту.

Сегодня Елена принесла очередную игру, упакованную в красочную голограмму — портик с атлантами, раскрывающийся в бесконечный лабиринт, украшенный фресками.

Она сидела на диване напротив и пила виски без льда, точно кошка молоко из блюдца.

— Игра называется «Троянская война». Критики в восторге, пишут, что это нечто особенное, — говорила она, кивая на коробку. — Здесь можно прожить сотни жизней. Стать кем угодно. Царём, фараоном, любым из греческих ге-

роев, даже троянским конём...

— А богом нельзя? — невесело усмехнулся Приам.

— Кем? — искренне удивилась Елена. — Я думаю, что вы застряли в прошлом. Вам нужно его отпустить. Иначе горе сожрёт вас.

Приам удивился: до этих слов он был уверен, что Елена всего лишь красивый и глупый попугай.

— А сегодня вы особенно мрачный. — Елена поставила бокал на столик. — Вам надо развеяться, забыться.

«Забыться» — какое точное слово. Приам протянул руку и коснулся коробки. Голограмма под пальцами ожила, атланты шевельнулись, и он невольно улыбнулся.

— Оставь, — сказал он тихо. — Я посмотрю.

Елена обернулась и улыбнулась особой улыбкой, от которой у мужчин любого возраста замирает сердце.

— Вам понравится, вот увидите. Все мужчины хотят быть героями. Слышала, будто один грек ради любви отправился в лабиринт, чтобы убить жившее там чудище...

А Приам подумал, что его личное чудовище живёт в нём самом и зовут его «память».

Последние полгода Елена приносила какие-то счета на оплату. По старинке — на бумаге, без мудрёных QR-кодов и бессмысленного частокола штрихов. А сегодня вместе со счетами она положила на стол планшет с открытой страницей банковского эквайринга.

— Это для VIP-доступа, — небрежно пояснила она, по-

правляя волосы. — Разработчики требуют прямой привязки к главному активу для генерации уникального мира. Ваше подтверждение — пустая формальность.

Приам, большую часть своей жизни проживший не то что без компьютеров, но даже без калькуляторов, приложил палец к сканеру, не вчитываясь в мелкий шрифт пользовательского соглашения. Его состояние было таким, что мелкое воровство любовницы сына могло его не заботить. Ну, сколько сможет потратить девочка за то время, что ему оставила Смерть?

За окном шумел океан. Дальше лежала Европа, страна, где убили Гектора и деревня Будановцы, где местные жители до сих пор продавали туристам кусочки алюминия, выдавая их за остатки обшивки сбитого американского штурмовика.

А здесь, за компьютерным столом, сидел никому не нужный старик, собирающийся начать войну, из десяти лет которой Гомер описал несколько недель последнего года, упомянув о двухстах восьмидесяти восьми павших.

Приам вспомнил, что Гектор всегда ненавидел симуляторы. Он как-то сказал: «В небе, отец, нет функции «Save Game». Там либо ты, либо — тебя».

Занавес. Слышен шум океана и едва различимый гул — то ли кулера процессора, то ли двигателя реактивного самолёта.

Второе ненаписанное письмо

«На днях я нашёл твою старую фотографию. Ту, где ты,

ещё совсем мальчишка, стоишь у самолёта, улыбаясь солнцу после первого самостоятельного полёта. Я хотел написать о том, как мне тебя не хватает, пожаловаться на Париса и невозможную жару на улице. Но слова рассыпались, как мелочь из открытого кошелька, и я просто прошу у тебя прощения».

Действие 2

Приам коснулся висящего перед ним белобрюхого дельфина. Лёгкий шум прибора наполнил комнату. Потянуло солью, йодом и морскими водорослями.

Интерьер комнаты размылся, уступив место морскому простору с вырастающими из фиолетовой пустоты парусами боевых греческих бирем.

Откуда-то сверху медленно опустился огромный каменный город, и в небесах над ним полыхнуло золотом: «Троя».

Включившиеся игровые сенсоры мгновенно обманули все его органы чувств. Приам ощутил под ладонями разогретый на солнце камень парапета. Вместо прохлады кондиционера его обдал густой, пряный воздух, насыщенный запахами овечьей шерсти, горелого на углях жира и пыли. Где-то рядом истошно орал осёл, и его истошные крики были настоящими, живыми.

Приам помнил школьную историю: десятилетняя осада, жестокость и коварство греков, деревянный конь, построенный по совету хитроумного Одиссея, и в прах сгоревший каменный Илион, так и не найденный археологами.

Его палец уже потянулся к подрагивающей надписи «Escape»... Но Елена всегда приносила самое лучшее, и Приам решительно нажал соседнюю «Next».

Настройки. Командующие у греков: Агамемнон, Менелай, Ахилл, Одиссей, Аякс...

Список троянских вождей был куда короче: Парис, Гектор... В графе «особые отметки» значилось: «Будет убит греческим полубогом Ахиллом. Тело Гектора будет выкуплено Приамом на вес золота, поэтому заранее задепонируйте необходимую сумму».

Игра оказалась красивой, продуманной и исторически выверенной. Разработчики знали своё дело. Они читали Гомера, считавшего, что красота и храбрость не ходят в одной упряжке. Младший сын Парис, как и в жизни, получился самовлюблённым и трусоватым, после каждого удачного выстрела из лука он быстро прятался за спины воинов.

Приам проходил один уровень за другим. Плёл интриги. Заключал договоры. Обзаводился лазутчиками и доносчиками. Откровенно лгал, тонко лицемерил, изворачивался, юлил, уступал, прогибался — и беспрестанно сорил деньгами. Платил несговорчивым союзникам и алчным друзьям, оплачивал чужую смелость, подкупал нерешительность, награждал за верность и щедро доплачивал за преданность.

Но даже в игре царь Трои не смог отменить запрограммированную смерть Гектора. Он принял её с показным смирением, усыпив подозрения недоверчивых греков, которые

свято уверовали в свою неизбежную победу, predeterminedённую волей бессмертных богов.

Он смотрел, как Ахилл волочет тело сына вокруг стен Трои. Смотрел и молчал.

В реальном мире тела Гектора не нашли. Обломки F-117 разбросало по окрестным полям, и местные крестьяне собирали их быстрее, чем туда попала американская поисковая команда.

Приам стерпел оскорбление и позор, ибо знал то, чего не знал ни один виртуальный герой. Он знал день и час завершения троянской войны. И в этой своей осведомлённости Приам был равен богам-олимпийцам.

И когда наступил десятый — трижды проклятый последний год осады, пробил час справедливой расплаты.

Морем и сушей шли союзники, чью решимость так долго пестовал Приам.

С севера двигались суровые фракийцы во главе с Ресом. Подтягивались гоплиты Главка, любимца Аполлона. На востоке стала лагерем конница беспощадных амазонок царицы Пенфесилеи, ожидавшей подхода эфиопской пехоты много-мудрого Мемнона. А с юга...

В облаках не успевавшей оседать пыли, окружённый несметными полками, в золотой колеснице шествовал сам —

«Гор, Могуущественный Бык, Возникающий в Фивах. От обеих Владычиц, Возносящих в Царском Сане, Подобный Ра в Небесах. Золотой Гор, Сильнейший из Сильных, Священный

Явлением. Бог Двух Земель, Неизменный, Явленный как Ра. Сын Ра, Рамзес Бог».

Фараон воспринял войну против народа турша, платившего дань Египту ещё со времён Мернептаха, как личное оскорбление.

Теперь греки были обречены.

Приам не смог отменить смерть сына, но зато он изменит ход истории. Троя победит, а значит, Эней её не покинет и не построит «вечный» Рим. И тогда европейцы станут наследниками не римской культуры, а либо залитого детской кровью финикийского Карфагена, либо боспорского деспота Митридата. И вся мировая история сложится по-другому.

Приам поймал себя на том, что всерьёз думает о новой Европе, и об иной истории, которая уже давно сложилась иначе.

Приам перенёсся на морской берег и в бессилии опустил-ся на утрамбованную тысячами ног чёрную от грязи глину.

Паруса кораблей Агамемнона таяли на горизонте: пентеконтор Паламеда выходил в море, отчаливал корабль Одиссея, завершала погрузку пехота Эпея и Диомеда.

Приам вскочил и заметался по опустевшему пляжу. Огрубевшие раны погребальных костров. Обрывки кожи. Глиняные черепки. Многометровые рвы, заполненные нечистотами и мусором. Безобразные язвы зловонной жижи. И мухи. Мириады огромных мух: серых, чёрных, радужных.

Приам подобрал ниспадающий до лодыжек грязный хитон и побежал. Горячий ветер бил во впалую грудь, развевал окрашенный пурпуром плащ, отбрасывая назад длинные седые космы, напоминающие выброшенный белый флаг.

Он проваливался в грязь, спотыкался о выбеленные кости животных. Пот застилал глаза и, смешиваясь с пылью, превратил его лицо в грязную маску.

Он бежал медленно и долго. До ярко-красных пятен в гла-

зах. До распахнутых настежь морских ворот.

Варварски пьяные — и когда только успели? — троянцы затащили в город безобразного деревянного коня и восторженно забрасывали его горящими факелами. В безумной толпе то ли показалось, то ли и вправду мелькнула светловолосая головка Елены.

Полыхали деревянные настилы вдоль оборонительных стен. Горело всё! Плавился даже песок. Десять лет виртуальной жизни Приама сгорали в адском пламени обезумевшего города.

Приам судорожно тыкал в зависшую перед глазами полупрозрачную кнопку «Escape».

«Купить дождь! Принести жертвы Посейдону! Нанять жрецов и провести мистерию!» Он был готов на всё, лишь бы остановить этот абсурд.

Ворвавшийся с моря ветер придавил к земле клубы чёрного дыма. Хриплый до рвоты кашель согнул Приама пополам.

В одно мгновение всё исчезло. В оглушительной тишине посреди комнаты тускло проступил голограммный текст: «Текущий баланс недостаточен для следующего хода».

Объёмные кроваво-красные буквы обрушились откуда-то сверху.

«You lost. Game over».

Занавес . Слышен затухающий шум океанского прибоя, а потом — тишина, долгая, как сама смерть.

Эпилог

Мякнула пришедшая СМС. Обмякший в кожаном кресле Приам прочитал:

«Баланс на Вашем банковском счёте \$000 000 000.00. Последний доступ к счёту — Приам. Timeo Danaos et dona ferentes!»¹

¹ Бойтесь данайцев, дары приносящих.

Смотрящий

«I occasionally think how quickly our differences worldwide would vanish if we were facing an alien threat from outside this world. And yet, I ask you, is not an alien force already among us?» — Address to the 42nd Session of the United Nations General Assembly in New York. New York September 21, 1987

(пер. «Иногда я думаю, как быстро бы исчезли все разногласия в мире, если бы мы вдруг оказались перед угрозой вторжения инопланетян. Более того, я хочу спросить вас: «А может, чужие – уже среди нас?» — Обращение к 42-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке. Нью-Йорк, 21 сентября 1987 год.

Глава 1

Достав из холодильника бутылку, я поставил водку на стол и замороженно уставился на вмиг запотевшее зелёное стекло. Моя жизнь остановилась. Я потерял работу, и меня бросила жена. Нет, в иной последовательности: сначала жена, потом — работа.

Но если совсем честно, то, задержавшись в дверях с чемоданом, купленным прошлым летом перед поездкой на курорт, она сказала: «Мне надоело жить... с призраком».

А касательно работы, я ещё погляжу, как они там без меня обойдутся. Я налил первые полстакана и выпил залпом. Водка обожгла горло, но не принесла облегчения.

Звонок в дверь удивил. Я посмотрел на отрывной календарь и вспомнил, что перестал отрывать листки именно в четверг, в день своего увольнения.

Звонок повторился — настойчивее, длиннее. Я встал и подошёл к двери.

Седой, несмотря на жару, совершенно не вспотевший джентльмен в лёгком льняном костюме снял изящные очки и осведомился, может ли он...

— Может, может, — пробурчал я и побрёл обратно на кухню.

Незнакомец без приглашения сел на табурет, достал из шикарного портмоне визитку и выложил на стол. Я поставил на стол второй стакан и налил. Приподнял свой и выждал. Незнакомец выпил — быстро, без гримасы и без выдоха.

Я взял визитку и прочитал тиснёную золотом строчку: *«Действительный и полномочный резидент Глобальной Сети Наблюдателей».*

— Что за чертовщина?

Гость утвердительно кивнул.

— Я, резидент Глобальной Сети Наблюдателей, имею честь сделать вам предложение о сотрудничестве на благо всего человечества.

Я засмеялся: тихо, потом погромче.

— Ты с Марса прилетел или с Сириуса? А где твоя летающая тарелка? Во дворе припарковал?

— Нет, — спокойно ответил резидент, дождавшись, когда

мне надоест веселиться. — Мы — земляне, люди из параллельного измерения. Кстати, вы можете не произносить слова, я читаю все ваши мысли.

Я обалдел от такого дешёвого розыгрыша.

— Как я сюда попал? Элементарно! По дромосу. Вижу, вы не поняли. Представьте себе электричку. В первом вагоне едете вы, человечество, скажем, в третьем — мы. Двери между вагонами заперты, но у нас есть ключи.

— А ты проводник? — брякнул я.

Посланник откинулся на спинку стула и снял очки.

— Позволю себе пояснение, чтобы вы впредь не задавали дурацкие вопросы. Первоначально мы засылали своих представителей в образах Олимпийских богов и богинь. Со временем они стали вмешиваться.

В той же Троянской войне они принимали участие чуть ли не напрямую. И тогда мы изменили «Кодекс Наблюдателя», введя в него главный принцип — «невмешательство».

Я громко хмыкнул, едва не поперхнувшись слюной.

— Ага. Зевс, Ахиллес... Мифы Древней Греции. Ты мне ещё про Бабу Ягу расскажи.

Обладатель льняного пиджака даже не улыбнулся. Он смотрел на меня с ледяным спокойствием психиатра, общающегося с буйным пациентом.

— Мы перестали засылать своих, — проигнорировав мой выпад, продолжил он. — И стали привлекать туземцев. Первые результаты оказались неутешительными. Орлеанская де-

ва, Жанна д'Арк, всем разболтала, что слышит «голоса». И не она одна. Пришлось организовать Инквизицию и провести основательную чистку.

Я вздрогнул. Алкогольный туман в голове рассеялся. Этот придурок только что признался в массовых убийствах в эпоху средневековья.

— Может, вы ещё и Карфаген с Римом разрушили? — разозлился я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.